

Приходившие люди каждый день были разными, но пытки, которым подвергали двоих, были одинаковыми. Не скажешь — буду бить, буду бить, пока не скажешь, забьёшь до смерти — возьмём новых.

В первый день Цун думал, что сможет проявить героизм. Хотя он и не бывал на поле боя, но слышал немало героических историй. Как бы то ни было, он был отличником военного училища, такие страдания плоти ещё можно было вынести. Не вынести — тоже надо стиснуть зубы и держаться, иначе будет стыдно за клятву, которую давал в военном училище, и за своё бахвальство.

На второй день Цун немного пошатнулся, ведь он был слишком голоден. Не давать еды — ещё ладно, дали один жёсткий пампуш и немного воды, от этого желудок зашевелился ещё сильнее, голова кружится, все внутренности переворачиваются. Но у него всё ещё было своё упрямство, поэтому он всё ещё ничего не знал, сжал губы, отвернулся, пока не потерял сознание.

На третий день он пошатнулся ещё сильнее, не то чтобы его тело не выдерживало, а его помощник А-Янь не выдерживал. Лицо А-Яня уже распухло от пощёчин, всё тело в кровавых следах. Они не были такими выносливыми к холоду, как люди Кушань, хотя это и был юг, но зимой, раздев догола и облив холодной водой, холод проникал прямо в кости.

Раны А-Яня быстро чернели от холодного ветра, слёзы уже не текли. Он опустил веки, что-то бормотал, не мог ясно говорить, не мог поднять голову. Поэтому Цун мог лишь в душе молиться, чтобы поскорее потерять сознание, хорошо, если бы А-Янь потерял сознание, хорошо, если бы он сам потерял сознание.

А-Янь потеряет сознание — не будет издавать эти леденящие душу стоны, сам потеряет сознание — не будет подвергаться моральному давлению и душевной тяжести.

Так, в полусне, они продержались до четвёртого дня, оба не умерли, но оба уже мало походили на людей.

Снаружи хлопучки гремели ещё громче, словно гром давил сверху. Дым проникал через окно, наполняя нос Цуна запахом пороха и крови.

Двое, которые сегодня пытали его, казалось, тоже не могли сдержать желания присоединиться к празднеству, хлестали кнутом невнимательно, то и дело поглядывая наружу.

Не прошло и нескольких минут, как действительно кто-то толкнул дверь и позвал их вместе выйти. Те двое, словно получив помилование, бросили кнуты, хлопнули дверью темницы и поспешно нырнули в дым.

Цун поднял глаза на А-Яня. Слюна А-Яня, смешанная со свежей кровью, капала на землю, образуя у ног маленькую лужу. Дым гуще проникал в камеру, треск хлопучек был словно пощёчины, бьющие по щекам двоих.

Цун изо всех сил крикнул несколько раз, и только тогда А-Янь сквозь звуки пушечных выстрелов услышал зов, с трудом приподняв голову.

Цун сказал:

— Держись.

А-Янь изо всех сил кивнул. Он открыл рот, чтобы ответить, но прежде чем Цун успел разобрать звуки, которые он произнёс, дверь снова распахнулась.

Те двое мужчин вернулись, мельком оглядели их обоих, затем сняли А-Яня с деревянного столба и, волоча и таща, потащили к выходу.

А-Янь запаниковал, Цун тоже запаниковал. Цун собрал все силы, сорвавшимся голосом закричал. Но те двое мужчин не услышали, вытолкнули А-Яня за дверь, захлопнули её и снова исчезли в дыму.

В дыму, казалось, слышался крик А-Яня, но дым был слишком густым, хлопушки слишком громкими, верёвки и кандалы слишком тугими, слишком ледяными, Цун был бессилен.

Цун одиноко остался в камере, слушая звуки пушечных выстрелов снаружи. Он непрерывно кричал в сторону двери, кричал, пока звуки хлопушек не стихли, голоса людей не стихли, дым не рассеялся, и никто не вошёл.

Он испугался, это было страшнее, чем вырезать кусок мяса из собственного тела.

Поэтому, когда тот человек толкнул дверь и вошёл, Цун лишь хотел найти на нём следы того, как издевались над А-Янем. Цун был уже очень слаб, но всё равно поднял голову и пристально уставился на вошедшего.

Это был тот самый мужчина, которого он видел в первый день в поселении, сидевший позади беснующейся толпы. На нём всё ещё была накинута та шуба из звериной шкуры, на поясе висела изогнутая сабля, на которой был нарисован тотем саламандры.

Он на мгновение остановился в дверях, нашёл направление, где был Цун, и медленно зашагал к нему.

Он велел двум следовавшим за ним людям подождать у двери и один подошёл к Цуну.

Он собрался с мыслями и на общем языке, который Цун с трудом понимал, сказал:

— Сколько же всего людей снаружи?

Цун не ответил, он стиснул зубы, готовый взглядом вырвать внутренности из груди противника.

Он снова спросил:

— В каких местах расквартированы?

Цун всё ещё не отвечал, он изо всех сил сглотнул слюну, глядя прямо в те спокойные глаза.

Затем по его лицу ударили — без предупреждения, тот человек поднял руку и ударил, сила была свирепой, от удара в ушах Цуна громко зазвенело, слюна в уголках рта не удержалась.

Тот человек всё ещё не двигался, он немного подождал, пока Цун придёт в себя, и продолжил:

— Не скажешь — вы всё равно не прорвётесь. Мы просто будем ждать, посмотрим, кто кого переждёт.

Сказав это, он подождал ещё несколько секунд, убедившись, что Цун ничего не добавил, и

зашагал к двери.

Взгляд Цуна последовал за ним, и когда тот уже почти дошёл до двери, Цун вдруг хрипло крикнул:

— Отпусти А-Яня.

Тот человек на мгновение замер, обернулся, не ответив на слова Цуна, переспросил:

— Что ты сказал?

— Ты... ты отпусти А-Яня, — зубы Цуна стучали, ледяные дрожащие пальцы переплелись, — ты не убивай его... ты, если не убьёшь его, я скажу тебе места расквартирования.

На самом деле, было ли у Цуна что рассказать? Нет, он, как и А-Янь, ничего не знал. Но он должен был убедиться, что с А-Янем всё в порядке, или же ему нужно было найти способ затянуть процесс насилия над А-Янем этих бесчувственных людей Кушань.

Он не смел представить, как вспарывают живот А-Яня, ещё менее мог принять то, что его кровь запачкает эти тонкие губы людей Кушань.

Тот человек замер, неподвижно глядя на Цуна какое-то время, вдруг рассмеялся, он сказал: хорошо, но порядок нужно поменять:

— Сначала ты скажешь мне места расквартирования, я проверю, не ошибся ли, и тогда отпущу его.

— Я не знаю, — сказал Цун.

Тот человек кивнул, сказал: а, хорошо:

— Тогда, наверное, твоего маленького секретаря уже почти съели.

Сказав это, больше не задерживаясь, захлопнул дверь и ушёл.

Сердце Цуна сжалось, он тут же снова закричал, сорвав голос:

— Стой! Стой...

Дверь то ли закрывалась, то ли нет, свет, проникающий из щели, спокойно падал на деревянный пол.

Через несколько секунд световая дорожка расширилась. Деревянная дверь со скрипом снова открылась.

— Не торгуйся со мной, — тот человек стоял у двери, выражение его лица было словно залито бетоном, — есть человека можно очень долго, не заставляй твоего маленького секретаря вернуться к тебе без рук и без ног.

Люди Кушань ели людей, это было так же известно, как и их Праздник Саламандры.

Цун сдался, он кое-как назвал несколько точек, и тот человек велел помощникам снять его. Но сняли наручники, а кандалы нет, принесли воду, но еды не было.

Тот человек постучал по столу, веля Цуну есть, сам же сказал, что, проверив догадку, он вернёт его маленького секретаря невредимым, затем сразу же отправил людей прогуляться, тут же посмотреть, не солгал ли Цун.

Цун подумал, что всё кончено, у этих людей Кушань эффективность работы немного высока, празднество снаружи ещё продолжается, а тут официальные дела тоже не откладываются.

Он взял воду, выпил немного, размышляя, как ещё раз солгать, чтобы покрыть предыдущую ложь, как тот человек сел.

Сел рядом с Цуном, откинул одежду, мех взмахнул, подняв холодный ветер с рыбным запахом.

Тот человек тоже не говорил, просто курил рядом с Цуном. Выкурил одну, подлил Цуну воды, выкурил ещё одну.

Снаружи хлопучки то гудели, то затихали, то близко, то далеко, возвещая, что огромная саламандра то подошла вплотную, то удалилась на улицу.

Цун был из центра страны, климат приятный, четыре времени года чётко выражены, это был край рыбы и риса, повсюду маленькие мостики и бегущая вода. Он не видел саламандру, только помнил, как только что прибыл в Кушань, на большом камне было вырезано нечто, похожее на ящерицу.

Прибывший вместе старый солдат сказал, что это саламандра, вера людей Кушань. Согласно легенде, в древние времена саламандра принесла огонь, и тогда люди Кушань, просветлённые от огня, научились возделывать землю, охотиться, готовить пищу, в этом прибрежном районе, где раз в два-три дня свирепствовали тайфуны, высушили участок сухой и пригодной для жизни земли.

За огромным камнем саламандры был канатный мост. За канатным мостом, скрытая в пышных зарослях деревьев, была галерея, плавающая на воде. Эта галерея была похожа на мост, но не мост, пересекала водную поверхность, но имела крышу, укрывающую от дождя. Два маленьких этажа были построены сверху, при внимательном рассмотрении можно было разглядеть, что на втором этаже равномерно расположены площадки для арбалетов.

[Авторских примечаний нет]

<http://bllate.org/book/16300/1470076>